

Глава 11

В доме старшей ветви сейчас всю кипела работа — во дворе обмолачивали кукурузу. Все торопились: чем раньше закончат, тем быстрее, пока стоит хорошая погода, высушат и уберут зерно. Только когда урожай в амбаре, можно быть спокойным, ведь это пропитание на всю вторую половину года.

К тому же, старики мало спят. Двоюродная бабушка, тётушки — все были здесь. Только младшие дети, уставшие от дневной работы, уже, должно быть, спали.

Двоюродная бабушка и остальные, казалось, знали, что отец Цзян придёт. Увидев его так поздно, они не удивились. Ему даже не пришлось ничего говорить, двоюродная бабушка начала первой.

И, конечно, с похвалы.

— Семья Лю — отличный вариант. Ты не знаешь, их условия такие, что многие девушки готовы туда пойти. Даже если Лю Хуцзы перестанет работать официантом, у них есть десять му заливных полей и больше девяти му засушливых. К тому же, у него только один младший брат. Когда они разделят хозяйство, ему много достанется. Если наш Сяои выйдет за него, будет трудолюбивым, то о второй половине жизни можно не беспокоиться.

Жители деревни больше всего ценили землю.

У семьи Лю из деревни Сяошань было много земли, и у семьи Лю из деревни Люцзян тоже. Поэтому парни из этих семей были нарасхват.

Хотя обе семьи носили фамилию Лю, они не были родственниками.

Отец Цзян, услышав это, опустил глаза и не выказал особой радости.

— Тётушка, скажу вам честно, хоть у меня и трое детей, но больше всех я люблю Сяои.

На мгновение воцарилась тишина.

Все, казалось, ослышались. Они с удивлением посмотрели на него, на их лицах отразилось недоверие, а руки, обмолачивающие кукурузу, замерли.

В деревне мужчины в основном предпочитали сыновей.

Они считали, что девушки и гя'эры, повзрослев, уйдут в чужую семью, и никто не останется

дома. Только сын сможет обеспечить им старость. Рассказывали, что в соседней деревне Сяоцзян один мужчина, чтобы родить сына, заставлял жену рожать снова и снова. Но сыновья так и не появлялись, зато родились четыре дочери и три гэ'эра.

Семья была бедной, семерых детей прокормить было невозможно. Но он очень хотел сына. Без сына, по общему мнению, род прерывался.

В деревне бедных презирали. Так же, как и тех, у кого не было сыновей или было мало детей. Их тоже не уважали и могли обидеть. Поэтому в некоторых семьях, чем беднее они были, тем больше было детей. А если семья была бедной и бездетной, то на них и вовсе не смотрели.

Девушки и гэ'эры, выйдя замуж, если жили близко, могли приезжать домой два-три раза в год. Если же выходили замуж далеко, то и того реже — раз в два-три года. Без сына, когда состаришься и не сможешь двигаться, кто за тобой будет ухаживать? Если повезёт, и дочь или гэ'эр окажутся почтительными и приедут ухаживать, то как долго они смогут оставаться? Через несколько дней семья мужа уже будет недовольна. К тому же, у них своя семья, и они не могут разорваться.

Без сына, когда состаришься и сляжешь, некому будет даже горшок вынести. Жена того мужчины родила ещё трёх дочерей, и он, как только они появлялись на свет, топил их.

Эта история тогда наделала много шума, о ней знали во всех окрестных деревнях.

В деревне Сяошань такого не случалось. Но, как бы ни думали посторонние, даже в старшей ветви семьи, где, казалось, ко всем детям относились одинаково, любили всех, кормили мясом и дочерей, и гэ'эров, не заставляли их делать тяжёлую работу, не били и не ругали, всё равно в глубине души больше ценили мальчиков.

И сейчас, услышав слова отца Цзян, они были потрясены.

Старший дядя отложил початок кукурузы. У него было квадратное лицо, и когда он хмурился, выглядел очень строго. Дети в семье его боялись. Он нахмурился и посмотрел на отца Цзян.

— Ты это говоришь потому, что Сяоэр и Сяосань не такие, как все?

— Нет, — покачал головой отец Цзян. — Я не считаю, что Сяоэр и Сяосань чем-то отличаются от других. Сяоэр просто слаб здоровьем. А что до Сяосаня, то все говорят, что он глупый, ненормальный. Но он просто немного наивный. Что умеют другие дети, то и он умеет. Я не считаю, что он в чём-то хуже других.

— Тогда почему ты так говоришь? — недовольно спросил второй дядя.

— ...У меня два сына, но гэ'эр только один, — глухо ответил отец Цзян. — Я не ищу для него

богатой семьи. Главное, чтобы человек был хороший, чтобы его не обижали и не унижали. Пусть будут беднее, это неважно.

Вторая тётюшка поняла, в чём дело, и мысленно кивнула.

Отец Цзян был прав. Если выйти замуж за богатого, но плохого человека, то ничего хорошего не будет. А если попадётся ещё и злая, скупая свекровь, то это просто несчастье на всю жизнь. Если бы он был не очень любящим отцом и недалёковидным, то согласился бы на этот брак, даже зная, что госпожа Лю — женщина скупая и злая.

Свекровь хоть и плохая, но можно пережить её. К тому же, кто, выйдя замуж, не должен служить родителям мужа?

А где служба, там и упрёки.

То, что отец Цзян так думает, говорило о его искренней любви к Цзян Сяои.

— Третий брат, не беспокойся об этой семье Лю, — тут же заверила его вторая тётюшка. — Они все очень хорошие люди. После того как Сяои ушёл, я ещё раз подробно расспросила его невестку. Она сказала, что её тётя и её семья — люди порядочные. Если бы это было не так, мы бы и не посмели предлагать это Сяои. Ведь этот ребёнок вырос на наших глазах, и мы, конечно, желаем ему хорошей семьи. Третий брат, не волнуйся.

Но отец Цзян не успокоился, наоборот, его сердце почему-то сжалось от беспокойства.

Увидев его встревоженное лицо, двоюродная бабушка тут же спросила, что случилось.

— Тётюшка, — нахмурился отец Цзян, — не знаю, почему, но у меня на душе как-то неспокойно. Я не видел парня из семьи Лю, но с госпожой Лю я несколько раз сталкивался. И... по её виду мне кажется, что с ней будет нелегко ужиться.

Старшая тётюшка, услышав это, задумалась и, взглянув на дом Цзян Даню, понизила голос. Цзян Даню и Чжан Дая, должно быть, уже спали. Окна были тёмными, и не было слышно ни звука. Тем не менее, она говорила тихо, продолжая обмолачивать кукурузу.

— Брак — это на всю жизнь, и то, что ты так осторожен, это хорошо. В обед мы расспрашивали Дая. Ты знаешь её характер, она прямая. Она сказала, что семья Лю — хорошая, значит, это правда. Но ты же знаешь, Дая и та семья Лю — двоюродные родственники. Парень из семьи Лю смог устроиться официантом в таверну «Фулай» благодаря моему свату. С такими связями они, конечно, будут хорошо относиться к Дая. Поэтому она и говорит, что они хорошие. Но некоторые семьи к своим относятся по-одному, а к чужим — по-другому. Я тоже сначала торопилась, хотела завтра же отправить Дая к ним. Но раз ты так говоришь, давай повременим. Завтра твой старший брат съездит в деревню Люцзян, всё разузнает, и тогда решим. Как тебе

такой план?

Такими делами должен был заниматься отец, но у отца Цзян не было времени. Если он не будет работать, что они будут есть? Цзян Сяоэр зависел от него. Он не мог позволить себе ни дня отдыха.

Поэтому он не стал отказываться.

Хоть это и доставит хлопот старшему брату, но, не разузнав всё, он не мог быть спокоен.

...

Ещё не наступила глубокая осень, и светало по-прежнему рано. Не успел наступить час кролика, как в деревне запели петухи.

Вчера они не купили зерна, а отцу Цзян сегодня снова нужно было идти на работу к Ли. Цзян Сяои встал пораньше. Он хотел сходить к соседям, к Цяням, купить немного зерна и испечь лепёшек, чтобы отец взял с собой.

У семьи Цянь было не так много земли, всего четыре му заливных полей, но зато больше засушливых. Чтобы сытно есть круглый год, урожая не хватало. Но в те времена мало кто в деревне мог есть досыта.

Семья Цянь каждый год продавала часть зерна, чтобы купить масло, соль, ткани. В деревне заработать деньги было негде. В основном продавали яйца, овощи. Если повезёт, в межсезонье можно было найти подработку. Но главным источником дохода для крестьян была продажа зерна.

Семья Цянь продавала половину урожая, а оставшуюся часть ела с овощами. Этого кое-как хватало, чтобы не голодать. Это было уже лучше, чем у большинства в деревне.

Дядя Цянь вставал рано. Увидев Цзян Сяои с деньгами, он сразу всё понял.

— За зерном пришёл? — с улыбкой спросил он, предлагая Цзян Сяои стул. — Сколько нужно? Дядя сейчас взвесит.

В деревне Сяошань из-за климата сорго, просо и пшеницу сажали мало. В основном выращивали рис и кукурузу. Рис был дорогим, и семья Цзян не могла себе его позволить.

Цзян Сяои в основном покупал у них кукурузную муку. Когда он ходил на работу или рубить дрова в горы, лепёшки были удобнее всего. Завернёшь в капустный лист, и готово. Жидкая каша из грубого зерна была неудобна в дороге и не насыщала.

У семьи Цзян было мало земли, в отличие от других. Они не оставляли себе ничего на праздники, чтобы побаловать себя. Всю выращенную кукурузу они, высушив, продавали в городе, потому что новый урожай стоил дороже, а старый — дешевле. На вырученные деньги он покупал старое зерно.

Кукурузная мука была недешёвой. Он всегда покупал понемногу. Они жили рядом и были хорошо знакомы. Если дома заканчивалась мука, а в город ехать было некогда, Цзян Сяои приходил к Цяням. Дядя Цянь уже привык и знал, что ему нужно.

Цзян Сяои не сел. Он стоял во дворе и достал двадцать вэней.

Дядя Цянь взял деньги, не пересчитывая, и, повернувшись, ушёл в кухню. Через некоторое время он вернулся с небольшим мешочком.

Цзян Сяои часто продавал дрова и овощи и на ощупь определил, что ему дали больше.

Кукуруза стоила три вэня за цзинь, а мука — пять вэней. Двадцать вэней — это четыре цзиня. А в мешочке было как минимум на несколько лянов больше.

— Дядя, вы дали больше.

— Больше так больше, ничего страшного, бери.

— Но...

— Иди скорее домой! Иначе моя невестка увидит, опять будет говорить.

Лёгко на помине.

Только о ней заговорили.

Не успел дядя Цянь договорить, как Цзян Сяои увидел, как из заднего двора вышла жена Хуцзы с охапкой дров. Увидев его, она тут же помрачнела.

— О, Сяои! Опять за зерном?

— Да, — честно ответил Цзян Сяои. — Дома закончилось.

— А почему ты всегда к нам ходишь? — с кривой усмешкой спросила госпожа Цянь. — Понравилось за наш счёт жить?

Лицо Цзян Сяои мгновенно вспыхнуло. Слова госпожи Цянь были как пощёчина, нанесённая со всей силы. Он почувствовал себя униженным и беспомощным. Мешочек в его руках стал горячим.

Цзян Сяои не был из тех, кто стерпит обиду. Если бы это был кто-то другой, он бы уже ответил.

Жить за их счёт?

Чем тут поживишься? В семье Цянь было много народу. Кроме того, что в их туалете на заднем дворе навоза было больше, чем у него дома, и зерна тоже, они были ненамного богаче.

Все были бедны.

Если уж и жить за чужой счёт, то нужно идти к старосте.

Но сейчас он не посмел возразить. Спорить с госпожой Цянь означало бы не уважать дядю Цяня. К тому же, он не мог опровергнуть её слова, потому что каждый раз, когда он приходил за зерном, дядя Цянь всегда давал ему немного больше. Раньше это было всего один-два лян, но сегодня он дал гораздо больше.

— Что за чушь ты несёшь! — строго оборвал её дядя Цянь.

Госпожа Цянь взглянула на Цзян Сяои, потом на мешочек в его руках. Она хотела что-то сказать, но, увидев суровое, почерневшее, как дно котла, лицо своего свёкра, не посмела. Она и сама ляпнула не подумав.

Цзян Сяои не хотел больше оставаться. Отказаться сейчас означало бы прямо сказать госпоже Цянь, что ему дали больше. Он не хотел доставлять дяде Цяню неприятностей.

— Тогда, дядя, я пойду, — сказал он. — После обеда принесу вам овощей.

— Хорошо, иди скорее.

Когда он ушёл, дядя Цянь, указывая на госпожу Цянь, с мрачным лицом сказал:

— Раньше ты говорила это дома, и ладно. Но как ты могла сказать такое в лицо Сяои?

Госпожа Цянь не в первый раз унижала Цзян Сяои. Но раньше она хотя бы знала меру, а сегодня перешла все границы.

— А я что, неправду сказала? — упрямо ответила госпожа Цянь.

Дядя Цянь, видя, что она ещё и пререкается, так разозлился, что его грудь тяжело вздымалась.

Когда Цзян Сяои приходил за зерном, он действительно каждый раз давал ему немного больше, но не так уж много. А Цзян Сяои, взяв, не оставался в долгу. Каждый год во время сбора урожая он приходил помогать и не брал денег. И ещё...

— Ты что, его овощи не ела? Дрова, которые он приносил, не брала? Или ты ему за это платила?

— Овощи не так ценны, как зерно, — пробормотала госпожа Цянь. — А дрова на горе можно собирать, какая им цена.

Овощи действительно были не так ценны, как зерно. Но Цзян Сяои приносил их много.

Огород у семьи Цянь был маленький, всего лишь небольшой участок у деревни. Семья была большая, и овощей всегда не хватало.

Крестьяне обычно сажали овощи рядом с деревней, у воды. Если сажать далеко, то семена, только что посеянные, тут же склевывали птицы и дикие куры. А то, что с трудом выросло, съедали дикие кабаны. Не будешь же каждую ночь дежурить на горе.

Овощи, выращенные на засушливых землях, без частого полива, были жёсткими и не очень вкусными.

Свои овощи всегда вкуснее диких. Цзян Сяои каждый раз приносил овощи, которых не было на их огороде, целыми корзинами. Это стоило несколько вэней. Хоть его семья и была бедной, но он не был из тех, кто любит жить за чужой счёт.

Если бы Цзян Сяои был неблагодарным и не понимал, что нужно отвечать добром на добро, дядя Цянь не стал бы так заботиться о семье Цзян. Ведь и его собственная семья не была настолько богатой, чтобы раздавать муку направо и налево.

Дядя Цянь хотел было её пнуть. В гневе, не сдержавшись, он закричал:

— Сколько раз в год он приходит к нам за зерном? Два-три раза. Даже если я даю ему больше, в общей сложности это не больше цзиня. А овощи, которые он приносит, не стоят твоего цзиня зерна? К тому же, мы соседи, что плохого в том, чтобы немного помочь? Да, мы живём небогато, но что, мы не проживём без этих семи-восьми лянов кукурузной муки? Нам их так не хватает? Ты просто недалёковидная, видишь только то, что отдаёшь, а то, что получаешь, не замечаешь. Я пока ещё хозяин в этом доме, и не тебе решать, что мне делать. Если ещё раз будешь нести чушь, я велю Хуцзы отправить тебя обратно к твоим родителям.

— Отправить меня обратно? — не поверила своим ушам госпожа Цянь. — Что, свёкор, хочешь,

чтобы Хуцзы развёлся со мной? Я же вам двоих сыновей родила! И сколько лет я на вас работаю? Если нет заслуг, то есть хотя бы труд. Свёкор, твои слова бессердечны!

Они громко спорили во дворе. Люди в доме, услышав шум, выбежали на улицу. Цзян Сяои, всё ещё находившийся во дворе, слышал их крики и уговоры.

Он, обхватив мешочек с кукурузной мукой, опустил голову и долго молчал, прежде чем войти в кухню.

<http://bllate.org/book/13701/1582845>